

лезут», а своей цели достигают. (Смех. Аплодисменты).

Что, допустим, Федину, Леонову, Максиму Рильскому или мне от того, что как-нибудь молодежь бросит на ходу: «Помоги, душа, это идет так-то!». Для нас это — уже «не тот нарзан», как говорят старые пенсионеры. (Общий хохот. Аплодисменты). А молодому это лестно, ты моришься от бесцеремонного упоминания своего имени, а иной молодой тает. К этому можно относиться без снисходительности, но понимать младость все-таки.

Многие из вас, наверное, видели в прошлом, как крестьяне подсевали на грехоте, этаком большом подвесном решете, зерно, очищали его перед севом. Мякина, пыль, охвостье летят по ветру, а полноесное зерно остается. Так будет и в литературе: зерно останется, мякина улетит. Сама жизнь повращает литературный грехот и произойдет необходимый процесс очищения.

Так, на мой взгляд, обстоит дело с молодыми. С поисковыми писателями — тоже не лучше. Ну, куда его, городского жителя, на старости лет звать на страшную для него периферию? Да и зачем он там нужен, кому? (Смех. Аплодисменты). Лицо я давно уже отказался от мысли передвинуть писателей поближе к тем, о ком они пишут. Безнадежное дело! И пусть на этом благородном поприще наживают шишки тов. Фурцева, а с меня хватит! (Хохот. Аплодисменты).

Примерно то же самое творится и в прозе. Появляется очень много книг, вскоре идущих, так сказать, в «переплав». Принята? Она известна всем вам. Совершается закономерный разрыв: низкое качество продукции и высокая требовательность читателя. Но не так уж обстоит все мрачно на литературном фронте, как может показаться на первый и поверхностный взгляд. Происходит мало заметное для читателя, но очень отрадное явление: целая плеяда молодых и подлинно талантливых писателей, ранее известных по рассказам периодической печати, становятся зрелыми и очень обещающими мастерами слова. Это характерно не только для русской, но и для всех национальных литератур. Я не стану перечислять фамилий, они достаточно известны читателям, но хочу сказать вот о чем: этим писателям надо всячески помочь, чтобы у них была возможность поработать года два-три, не думая о завтрашнем дне, не отрываясь от работы над большими полотнами, которые у многих давно задуманы и для которых эти писателями уже заготовлены настойчивые, со знанием дела, материал.

Количество таких писателей значительное умножится, если мы поможем не только столичным писателям, но и провинциальным, которых насчитывается по Союзу писателей весьма значительное число. Это все народ, крепко знающий жизнь, много поездивший на своем веку и много повидавший, а главное — талантливый народ, но, к сожалению, лишенный новых возможностей застеснить без отрыва от создания крупных не только по объему произведений. Вот на кого надо делать ставку! Во всяком случае, большинство из них не подведет, а это — уже много.

Выходят хорошие книги за последнее время, но их до обидного мало, можно бы выдавать больше, и от этого становится грустно, прежде всего, конечно, нам, а не вам, товарищи делегаты и читатели.

Одной из главных причин отставания от жизни нашей литературы и одной из главнейших причин появления посредственных произведений я по-прежнему считаю укоренившуюся отрыв от этой жизни в писательской среде, поверхностные знания стремительно текущей и постоянно меняющейся своей облика действительности.

Спешка в таком деле едва ли будет верным помощником. А тут еще одна беда — ведь беды, как известно, не ходят в одиночку. В очень хорошей, содержательной работе секретаря ЦК Коммунистической партии Украины тов. Подгорного упуглил на мой взгляд, одну весьма выгодную возможность: что бы ему упомянуть о том, что писателей-украинцев выбирали делегатами ведь не только во граде Киеве. Ну, и сказал бы, что так, мол, и так, дорогие товарищи писатели, выбрали вас делегатами на съезд КПСС областных центрах Украины и перебирались туда потихоньку и живите себе на здоровье (смех, аплодисменты), и пишите о тех тружениках областей, где вас выбирали: на Полтавщине — так о полтавчанах, в Чернигове — так о черниговцах. А вот не сказал он этого. И снова писатели возвращаются в столичный град Киев, и снова все пойдет по-старому. То же самое можно сказать и в отношении секретарей других областей, где писатели водятся в изобилии. Надо бы и им писателей пригрозить, как говорят украинцы, пригласить к себе в далеко не такие провинциальные города и села и отнюдь не на мирное, а на боевое житье, на глубокое, проникновенное познание жизни и на подлинно творческий труд. Думается все же, что это дело по-правданному.

Спешка в таком деле едва ли будет верным помощником. А тут еще одна беда — ведь беды, как известно, не ходят в одиночку. В очень хорошей, содержательной работе секретаря ЦК Коммунистической партии Украины тов. Подгорного упуглил на мой взгляд, одну весьма выгодную возможность: что бы ему упомянуть о том, что писателей-украинцев выбирали делегатами ведь не только во граде Киеве. Ну, и сказал бы, что так, мол, и так, дорогие товарищи писатели, выбрали вас делегатами на съезд КПСС областных центрах Украины и перебирались туда потихоньку и живите себе на здоровье (смех, аплодисменты), и пишите о тех тружениках областей, где вас выбирали: на Полтавщине — так о полтавчанах, в Чернигове — так о черниговцах. А вот не сказал он этого. И снова писатели возвращаются в столичный град Киев, и снова все пойдет по-старому. То же самое можно сказать и в отношении секретарей других областей, где писатели водятся в изобилии. Надо бы и им писателей пригрозить, как говорят украинцы, пригласить к себе в далеко не такие провинциальные города и села и отнюдь не на мирное, а на боевое житье, на глубокое, проникновенное познание жизни и на подлинно творческий труд. Думается все же, что это дело по-правданному.

Но что бы то ни было, а наша литература является передовой и не только по идеиному содержанию. Крепнут наши связи с зарубежными издательствами. Книги наших писателей издаются по всему миру. Они читаются, увлекают скорее содержанием, а не формой, потому что очень великий интерес в зарубежных странах к нашей жизни, к нашей нынешней действительности.

Но к зарубежным критикам у нас, советским писателям, пожалуй, больше претензий, чем к своим. Если наши критики в большинстве своем не знают жизни, то иностранные не только не знают, но и плохо ее осмысливают. Зачастую у них к нам возникают совершенно необоснованные претензии. Они утверждают, что писатели им предъявили. А как бы им хотелось?

Допустим, я пишу о нашем солдате, о человеке бесконечно родном мне и близком. Как же я напишу о нем худо? Он мой, весь мой, от пилотки до портняжки, и я стараюсь не замечать, допустим, рабинок на его лице или некоторых изъян в его характере. (Бурные аплодисменты).

А если я замечу, то уж постараюсь написать так, чтобы читатель тоже пополнил его вместе с этими милыми рабинками и с небольшими изъянами в характере. (Аплодисменты).

Здесь передо мной сидят люди, в основном обремененные житейским и иным опытом. Вы знаете, что бывает так, что веснушки на лице курносой и неприметной

РЕЧЬ товарища М. А. ШОЛОХОВА

[Писатель, ростовская партийная организация]

Дорогие товарищи делегаты! Мне думается, я выражаю общее мнение, если скажу, что в эти знаменательные дни съезда, когда мы принимаем новую Программу нашей ленинской партии, сама жизнь наша, жизнь всего советского народа стала исполненной как бы особого и нового звучания. Будто бы свежий бодрящий ветер пахнул нам в лицо, открыл перед взором далекие синеющие, зовущие к себе дали, и легко, и глубоко всей грудью дышится, и ясственно видны контуры того желанного будущего, к которому мы, безусловно, приедем через двадцать лет. (Бурные аплодисменты).

Уж больно величественна и благородна Программа, всем своим содержанием и существом направляемая на счастье и радость трудового человечества!

Как же тут не сказать идущее от всего сердца спасибо тем, кто работал над созданием этой Программы, тем, кто мечты и долги чаяния народа воплотил в четко поставленную задачу, по-ленински провидя наше близкое и далекое, но такое какое будущее! И прежде всего как не сказать спасибо главному творцу Программы — нашему Никите Сергеевичу Хрущеву! (Бурные аплодисменты). Я бы сказал Вам, дорогой Никита Сергеевич, и более теплые слова, но личная дружба с Вами, мое высокое уважение к Вам, понимаете ли, как-то стесняют меня (смех, бурные аплодисменты), в данном случае служат яркой помехой. А потом, Вы ведь знаете, что мужская, дружеская любовь всегда немного молчалива. (Смех. Бурные аплодисменты).

Как подумаешь, что преодолела, что свершила наша могучая партия и что еще предстоит ей свершить, честное слово, даже кому подкатывается к горлу: до чего же все-таки здорово! (Бурные аплодисменты). И если по совести говорить, то иной раз нет-нет да и возгордишься втихомолку своей партией, своим советским народом и с невольным восторгом и гробовой ласковостью, употребляемой в обращении с близкими, скажешь про себя: «Ну, и талантливы же мы, мыльные мои люди! Ну, и сильны же, черти! Во всех отношениях сильны!». (Бурные аплодисменты). Смех.

Все мы знаем, что крутым высоту по пути к коммунизму уготовано взять нам историю. Отлично знаем и то, что времена и тяжело будет в дороге, и трудно, и не раз перескочит во рту от напряжения. Но зато, какие невиданные доселе горизонты открываются с вершиной этой высоты и из каждого живительного и вращающего источника придется испить усталим, но, как всегда, бодрым путникам! (Бурные аплодисменты).

А что касается нелегкого пути, то он не только труден, но и почетен и велик по своему подлинному мировому значению, как велика цель, к которой идем. Но ведь велико народу — и великий путь, как большому кораблю — большое плавание! (Продолжительные аплодисменты).

И никакие невзгоды и трудности не устрашают наших мужественных людей, вездесущей бесстрашной и мудрой партии коммунистов. Мы приедем к коммунизму, несмотря ни на какие проксины врагов, во- преки тоскливо нытью маловеров. Поручай этому то, что дорогу в будущее про-

нам, идущим впереди и вперед смотрящим! (Бурные аплодисменты).

Когда думаешь о партии, о друзьях и товарищах по партии, невольно приходят на память слова Гоголя. Помните, в повести «Тарас Бульба» старый Тарас перед боем под городом Дубно так говорит, обращаясь к запорожцам: «Нет уз святее твоего товарищества! Отец любит свое дитя, мать любит свое дитя, дитя любит отца и матеря. Но это не то, братцы любят и зверь свое дитя. Но породнившись родством по душе, а не по крови, может один только человек».

Ей-богу же, хорошие слова! (Бурные аплодисменты). Нас, коммунистов, породила идея Маркса — Энгельса — Ленина, идея, за которую не на жизнь, а на смерть борется Коммунистическая партия, и для нас нет святее уз этого партийного товарищества! Мы тоже любим и детей наших, и жен, но, как сказал Тарас, «Это не то, братцы!» (Смех. Бурные аплодисменты). И пусть на нас не обижаются ни дети наши, ни жены. Ничего не поделаешь, придется им просто примириться с этим обстоятельством, только и всего. Но вот тут-то получается у меня заминка... Ясное дело, в первую очередь обидятся наши жены за то, что узы партийного товарищества для нас святее, нежели узы, соединя-

ющие с ними. Наверное, я допустил некоторую опрометчивость, а возможно, даже и оплошность, произвольно упомянув про жен. Ведь у Тараса-то про них ничего не сказано. (Смех. Бурные аплодисменты). И теперь мне, как раскопавшему эту цитату из бессмертного творения Гоголя, очевидно, первому придется сегодня принять на себя семейный удар. (Смех. Бурные аплодисменты). Но, однако, я не робею, так сказать, самортизировать удар, если с ее стороны он все-таки будет направлен против Вас. (Аплодисменты).

Н. С. Хрущев. Михаил Александрович, если Ваша жена, Мария Петровна, позволит, то я согласен поддержать Вас, чтобы смгнить, так сказать, самортизировать удар, если с ее стороны он все-таки будет направлен против Вас. (Аплодисменты).

М. А. Шолохов. Спасибо. Однако я не робею потому, что крепко верю в ваше высокое сопоставление, дороже женщины жены и товарищи (смех, бурные аплодисменты), и — воодушевленный им — готов на все самые тяжкие испытания, предстоящие мне возле семейного очага. Только не забудьте нынче помянуть меня добрым словом, а больше мне ничего не надо! (Смех. Бурные аплодисменты).

Но по-разному понимаем чувство товарищества мы и капиталисты. Живой иллюстрацией этому служит рассказ американского писателя О'Гэри «Дороги, которые мы выбираем». Сюжет рассказан несложен: три бандита грабят почтовый вагон американского экспресса. Одного из них проводники вагона убивают, двое с награбленными деньгами спасаются бегством. В пути у одного из оставшихся в живых падает лошадь, сломавшая во время бешеной скачки переднюю ногу. На двух всадников остается одна лошадь по кличке «Боливар». Эта сильная лошадь могла бы увезти на себе двоих, но владелец ее, с примечательным прозвищем Акула Додсон, решает по-своему: «Боливар» двоих не снесет, — спокойно говорит он и столь же спокойно разряжает в товарища револьвер.

Разбогатев на награбленном, Акула Додсон становится почетным буржуа и открывает маклерскую контору. Когда его другу, тоже финансовою воротиле, в результате какой-то аферы грозит крах, — Додсон так же спокойно, как некогда устукал друга, разоряет и этого приятеля, повторяя уже знакомую нам фразу: «Боливар» двоих не снесет».

Вот он, волний закон бандитского, то есть капиталистического, товарищества.

Впрочем, в нашем понимании это ведь одно и то же: тут никак не проводить разграничительную линию и не поймать, где кончается бандитизм и начинается капитализм. (Аплодисменты). И бандитское и капиталистическое товарищество — попросту два сиамских близнец, достаточно отвратительные по внешности и внутреннему содержанию. Смотрите, какой великолепный ход конем она сделала, прибегнув к способу дипломатии.

Выступавшие на съезде много говорили о фракционерах, о тех, кто беззастенчиво попрал святые узы партийного товарищества. Теперь на съезде нам стали известны новые подробности их преступной деятельности. И сам собою возникает вопрос: до каких же пор мы будем стоять в пар-

тийных рядах рука об руку с теми, кто причинил партии так много непоправимого зла? Не слишком ли мы терпимы к тем, на чьей совести тысячи погибших верных сынов Родины и партии, тысячи загубленных жизней их близких?

Съезд — верховный орган партии, — пусть он вынесет в отношении фракционеров и отщепенцев свое супорное, но справедливое решение. (Аплодисменты).

И чтобы закончить неприятный разговор о неприятных людях, разрешите мне в заключение привести еще одну выдержку из речи Тараса Бульбы, из той же речи, где он говорил о товариществе.

Оказывается, старый Тарас тоже в свое время боролся с фракционерами, а потогодищем с отступниками. И вот что он говорил:

«Но у последнего подлюки, каков он есть, хоть весь извался он в саже и в поклонничестве, есть и у того, братцы, краупица русского чувства. И проснется оно когда-нибудь, и ударится он, горемычный, об полы руками, скватит себя за голову, проклявши громко подлую жизнь свою, готовый мужами искупить позорное дело? Что-то не очень верится в это: не такие они люди. Как говорится, «Федот, да не тот». Впрочем, будущее покажет.

Можно предвидеть, что буржуазная печать поднимет вой: вот, дескать, каковы писатели-коммунисты, вместо того, чтобы проявлять обязательный по духу их профессии гуманизм, они вызывают об отмене. Что-нибудь в этом роде будет написано всегда готовыми к услугам буржуазии борзописцами. На это могу заранее ответить в адрес продажных писак: «Успокойтесь, господа нехорошие, никто не помышляет о мести, никто не жаждет отравленной интригой крови фракционеров, но отвечать за содеянные преступления против народа и партии они должны и будут. Таков общественный закон». (Аплодисменты).

Гуманизм, как и товарищество, мы и капиталисты или люди их мировоззрения тоже понимаем по-разному: мы, подобно врачу, удаляем гнилой зуб, мешающий здоровому, сильному организму, и тем самым совершаю акт человечности, а для сопоставления разрешите привести другой пример «человечности»: в Италии, в окрестностях Рима, проездом я видел роскошное борзописцами. На это могу заранее ответить в адрес продажных писак: «Успокойтесь, господа нехорошие, никто не помышляет о мести, никто не жаждет отравленной интригой крови фракционеров, но отвечать за содеянные преступления против народа и партии они должны и будут. Таков общественный закон».

Выходит хорошие книги за последние время, но их до обидного мало, можно бы выдавать больше, и от этого становится грустно, прежде всего, конечно, нам, а не вам, товарищи делегаты и читатели.

Одной из главных причин отставания от жизни нашей литературы и одной из главнейших причин появления посредственных произведений я по-прежнему считаю укоренившуюся отрыв от этой жизни в писательской среде, поверхностные знания стремительно текущей и постоянно меняющейся своей облика действительности.

Тов. Фурцева привела в своем выступлении поистине страшные цифры. Подумать только, из 2.700 писателей РСФСР 1.700 — постоянные жители только двух городов — Москвы и Ленинграда. А если к этому добавить постоянно живущих в Воронеже, Ростове, Свердловске и других областных городах, то что же остается для сельской местности?

Писатель, пишущий о колхозниках или людях совхоза, по-моему, должен обладать знаниями в области сельского хозяйства — так о полтавчанах, в Чернигове — так о черниговцах. А вот не сказал он этого. И снова писатели возвращаются в столичный град Киев, и снова все пойдет по-старому. То же самое можно сказать и в отношении секретарей других областей, где писатели водятся в изобилии. Надо бы и им писателей пригрозить, как говорят украинцы, пригласить к себе в далеко не такие провинциальные города и села и отнюдь не на мирное, а на боевое житье, на глубокое, проникновенное познание жизни и на подлинно творческий труд. Думается все же, что

Окончание речи товарища М. А. ШОЛОХОВА

женщины становятся вдруг для тебя дороже любого безупречно чистого, атласной свежести лица; и что иногда усталые морщинки в уголках глаз любимой женщины для тебя желаннее белозубой и бездумной улыбки молодой хохотуньи. А бывает и так, что невзрачная с виду женщина поведет за собой такого парня, что глянешь и закачаешься. (Смех. Аплодисменты). Всяко бывает в жизни, и все вы это знаете не хуже меня. (Смех в зале). Так как же может писатель, если он не «холодный сапожник», с равнодушным безразличием писать о людях, которых любит?!

Говорят, что Чехов принадлежит фраза о писательском творчестве: «Когда садишься писать, будь холоден, как лед». Неправда! Не может быть художник холодным, когда он творит! С рыбьей кропью и лежачим от ожирения сердцем настоящего произведения не создашь и никогда не найдешь путей к сердцу читателя.

Я за то, чтобы у писателя клокотала горячая кровь, когда он пишет, я за то, чтобы лицо его белело от сдерживаемой ненависти к врагу, когда он пишет о нем, и чтобы писатель смеялся и плакал вместе с героем, которого он любит и который ему дорог. (Аплодисменты).

Н. С. Хрущев. Правильно.

М. А. Шолохов. Только при этих условиях будет создано настоящее произведение подлинного искусства, а не подделка под него.

Но это уже творческая лаборатория, или попросту кухня, пожалуй, не интересная для вас. Я перехожу к задачам советской литературы, на которых хочу кратко остановиться.

Нам предстоит за многое бороться и, как мне кажется, прежде всего за влияние на нашу молодежь. Отличная у нас молодежь. Страна многим обязана ее молодому энтузиазму, ее героическому труду. Но очень незначительная часть молодежи мятется духом, ищет романтики в наших героических буднях и не находит ее. А она под руками, стоит только протянуть их и внимательнее присмотреться к жизни. Мы обязаны увести эту молодежь от чуждых влияний и приобщить к труду и подвигу в наше нелегкое время.

И не только эта проблема стоит перед писателями сегодня и будет стоять завтра. Советская семья, моральный облик нового человека, титанический труд нашего народа — все это требует воплощения в художественные образы, все это повелительно требует от нас создания пол-

ноценных больших произведений. Мы, люди искусства, все это хорошо понимаем и сознаем всю тяжесть лежащей на нас ответственности перед народом и партией.

В заключение мне хочется сказать: среди присутствующих много делегатов, которых ласково называют «маяками». Хорошее это слово, емкое. Я попрошу тех, кто светит своим трудом, не забывать о том, что светят они не только людям своей профессии или специальности. «Маяки» науки, техники, промышленности, сельского хозяйства светят и нам, людям искусства. И мы взираем на них не без некоторой зависти, потому что в своем творчестве еще не достигли того, чего достигли они. Но свет их огня падает и на нас и согревает нас, и, пожалуй, проплещивает в сумеречные часы.

Большое, душевное спасибо тем, кто светит! (Бурные, продолжительные аплодисменты).

Такое же спасибо и тем, кто аккумулирует энергию носителей света, спасибо за теплую заботу о нас, которую мы, может быть, не в полной мере заслужили, но я твердо верю в то, что еще заслужим! (Бурные, продолжительные аплодисменты).